

Вильгельм фон Гумбольдт: древний анекдот

Wilhelm von Humboldt: ancient joke

Abstract

Subject: poetry phenomenon

Topic: poetic outlook

Objective: to show poetry as a unique phenomenon at the interface between linguistic, psychological, philosophical, fine arts, historical, cultural and other disciplines.

Hypothesis: the author draws parallels between W. von Humboldt's philosophical ideas and works of our famous contemporary Russian sculptor D. Namdakov. This approach reveals a striking convergence of views of the two different and extraordinary people in understanding the nature of artistic thinking. Humboldt's sophisticated philosophical thoughts are vividly displayed through the prism of D. Namdakov's poetry of sculptures. Using poetry, biography facts of literature classics also enhances understanding philosophy of Humboldt and makes us think about a close connection and spiritual kinship of the Great.

Research methodology: philosophical ideas of W. von Humboldt's works, the founder of the philosophy of language and general linguistics. The theoretical basis of the study are points on the "true identity", "idea", the concept of "inside-suddenly-and immediately", "from out self", "out of the depths of consciousness" to "inner truth darkened in reality", expressed in "the highest law of sensibility" - poetry.

The article uses hermeneutic, comparative, anthropological, axiological approaches, as well as analytical, synthetic and structural methods for multi-layered and fully disclosed phenomenon of poetry.

Results: The contents of the article broaden and deepen the research in the field of Wilhelm von Humboldt's philosophical heritage and the theory of poetic language. The contents can be used for philosophical and cultural studies, linguistics and literature studies.

Conclusion: The article is based on the old joke about the birds, which flew to peck artfully drawn cherries. For Humboldt there is nothing funny about it.

Poetry, as a unique phenomenon at the point of convergence of different disciplines, solves a complex problem of multidimensional reconstruction of the essential characteristics of poetry, which simultaneously takes into account all of these contexts. Dashi Namdakov is a unique singularity, a sculptor-poet. His works is "a volume poetry." Namdakov's "Cherries" addresses this difficult problem.

Poetry is EVERYTHING that corresponds to the concept of excessive fullness in the oriental philosophy, i.e. to the emptiness and according to Humboldt it agrees with achieving "highest sensuality", i.e. poetry.

It was not the poetry in the artist's painting, who draw cherries, so that the birds flew to peck painted cherries, and that is why the great philosopher did not laugh.

Keywords: the art of writing, beauty, poetry, inside and out – suddenly – and immediately, "the law of the highest sensibility", the true individuality.

«...наряду с буквальным сходством с природой в нём присутствует ещё иная, более высокая истина. Ибо величайшее преимущество художественного произведения в том, чтобы сделать очевидной внутреннюю истину форм, затемнённую в реальном явлении».

В.ф.Гумбольдт

Введение

В предисловии к «Философской антропологии Вильгельма фон Гумбольдта», приводится следующий интересный факт: «Гёте, в своё время посмеиваясь над копиистами природы, рассказывал древний анекдот о том, как слетались птицы клевать искусно нарисованные вишни. По Гумбольдту, в этом нет ничего смешного, ибо он просто отрицает возможность совпадения модели и оригинала». «Произведение художника и произведение природы принадлежат различным сферам, и к ним не приложима одна мера», «природа прекрасна вообще лишь в той степени, в какой её представляет себе фантазия» [3, 171]. Птицы приняли плоды за действительные, реальность осталась «свёрнутой». Но для истинного художника:

1. «Существует момент морального созидания, когда индивид (будь то нация или отдельный человек) становится тем, чем ему предназначено быть, и не постепенно, а *внезапно и сразу* [выделено мной. – Р.Я.]. Тогда начинается его бытие, ибо до того он был иным. Такое начало служит ... зрелостью» [там же, с. 280-281].

2. «Жить означает сохранять ... форму мысли как господствующий закон» [там же, с. 283] как «закон наивысшей чувственности». Поэтический язык как форма: мысли, цвета, звука, движения, ритма; как проявление: нравственности, истории, литературы, искусства, религии, философии; как «господствующий закон» - «закон наивысшей чувственности».

3. «... предоставить таинственной силе действовать или, другими словами, зажечь силу, которая *внезапно* вырывает из массы известное количество материи в совершенно определённой форме и на длительное время противопоставляет эту форму в её своеобразии всем остальным» [там же].

4. «...истинная индивидуальность возникает изнутри, *внезапно и сразу*; ... и часто в затемнённом или искажённом виде» [там же].

Данное выражение является квинтэссенцией эстетической мысли Гумбольдта. Затем он приходит к выводу о том, что «... в индивидуальности заключена тайна всего бытия» [там же, с.303].

Теория

Говоря о том, что она (индивидуальность) «возникает изнутри, внезапно и сразу», Гумбольдт имеет в виду идею, которая может выступать только в связи с природой: там, где «обнаруживается переход от менее совершенного к более совершенному», там, где «в нашем знании зияют пробелы», и от этого - «первоначальное направление, первая вспых-

нувшая искра», без которой ни одно действие, даже если бы оно «длилось века, не привело бы к цели». Если А.Фет поэтически отразил суть этого явления:

«Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И тёмный бред души, и трав неясный запах».

то В.ф.Гумбольдт философски поясняет почему лишь у поэта «крылатый слова звук», почему лишь поэту доступно «закрепить» «и тёмный бред души, и трав неясный запах»: «Идея может открыться только индивидуальной духовной силе, но то, что росток, который она в эту силу привносит, развивается предначертанным ему путём, что характер его развития не изменяется, когда этот росток переходит в другие индивиды, что выросшее из него растение собственными силами достигает своего цветения и зрелости, а затем вянет и исчезает независимо от характера обстоятельств и индивидов – это доказывает, что движение в данном явлении совершает самостоятельная природа идеи. Таким образом, во всех различных видах бытия и духовного порождения возникают образы, в которых отражается какая-либо сторона бесконечности, и её вмешательство в жизнь создаёт новые явления» [там же, с. 303-304].

Рис. 1.

Кокон. Д.Намдаков(1999).

«В работе отчетливо ощущается медитативность, внутреннее «размышление». Образ коленопреклоненной девушки в странном головном уборе, запеленатой в тугие одежды, заставляет вспомнить о коконе, из которого со временем появляется прекрасная бабочка. Если взглянуть в детали, можно заметить шкуру хищника, от которой освобождается девушка, а головное украшение превращается во фрагмент кузнечика. Эти метаморфозы как бы скрыты внутри персонажа, но они привлекают к себе внимание зрителя и служат напоминанием о взаимосвязи всего сущего». – так пишет искусствовед о работе известного российского скульптора Даши Намдакова [прим.1]. В одном из интервью он передал слова своего духовного наставника: «Даши, весь твой талант – это заслуга твоих предков, в которых все поколения копилась сила, выстрелившая в тебе». Тогда мне очень понравились эти слова, и я понял, что я всего лишь инструмент» [11]. Эти слова нашего современника удивительно созвучны мыслям Гумбольдта, и как бы подтверждают их, что

«Идея может открыться только индивидуальной духовной силе... этот росток переходит в другие индивиды, ...выросшее из него растение собственными силами достигает своего цветения и зрелости». Шкура хищника, от которой освобождается девушка, головное украшение, которое превращается во фрагмент кузнечика в образном, философском понимании – это та «свёрнутая реальность», которая может «развернуться» только истинному художнику, но он никогда не знает «Куда ж нам плыть?...». Эти метаморфозы как бы скрыты внутри персонажа и проявятся они, согласно Гумбольдту «изнутри, внезапно и сразу; ... и часто в затемнённом или искажённом виде». Так в результате неких бессознательных, первородных, сил природы от «первой вспыхнувшей искры» возникает *идея*.

Рис. 2

Амазонка. Д.Намдаков. (2010).

«Каждая человеческая индивидуальность есть идея, воплощённая в явлении; в некоторых же сияние идеи настолько сильно, что кажется, будто идея лишь приняла форму индивида, чтобы открыть в нём самоё себя. Если развернуть человеческую деятельность, то после устранения всех определяющих её причин, в ней останется нечто исконное, которое вместо того, чтобы быть задушено влиянием этих причин, напротив, само преобразует их, и в этом элементе заключено беспрерывно действующее стремление создать внешнее существование для своей внутренней своеобразной природы» [3, с. 303-305].

Описание искусствоведам этой скульптуры поразительно совпадает с неким внутренним пространством приведённых слов Гумбольдта. «Композиционное решение скульптуры «Амазонка» лаконично и напоминает о классических образцах: перед нами погрудный портрет прекрасной женщины, на голове которой шлем в виде головы пантеры. Спокойное выражение ее гармоничного лица резко контрастирует с украшающей шлем маской хищницы с оскаленной пастью. Кажется, что еще миг, и амазонка опустит грозное забрало, превратившись в яростную защитницу своего племени», тем самым, проявив «беспрерывно действующее стремление создать внешнее существование для своей внутренней своеобразной природы», т.е. «нечто исконное» (поэзия) «само преобразует их».

«Я ученик Микеланджело и Бурделя, Брейгеля и старого японского искусства. А также это я сам» [11]. Эта цитата скульптора-поэта Д.Намдакова прекрасно иллюстрирует мысль философа-поэта В.Гумбольдта. Индивидуальность «стремится создать пространство для заключённой в нём идеи, и это ему удаётся, подобно тому как самое слабое растение благодаря своему органическому развитию разрушает стену». По глубокому убеждению философа, такие «формы духовной индивидуальности» (художественно одарённые

люди. – авт.), оказывают «более длительное и интенсивное воздействие, чем события и происшествия» [3, с. 303-305] в истории народов. Прежде всего потому, что интенсивность содержательной, интеллектуальной жизни, которая исходит «изнутри», стремится в сжатые отрезки времени передать безграничное духовное содержание. Уильям Блейк:

«В одном мгновеньи видеть вечность
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка!»

«Сохранилось сообщение, - пишет В.Ф.Асмус, - будто Моцарт обладал поистине сверхчеловеческой способностью: он «слышал» всё произведение от начала до конца, сразу «видел» всё это построение от первого до последнего такта» [2, с. 65]. Всё это примеры того, как в незначительное физическое время художник реализует огромные содержательные и эмоциональные пласты духовного времени. Благодаря своей яркой индивидуальности, объединяя все формы познания мира, научное, религиозное, философское, каждый художник создаёт нечто цельное, которое зиждется на онтологической сущностной основе – на идее. Последняя есть выражение в нашем сознании непрерывности бытия и доступна лишь художественному *воображению*, которое через идею достигает выхода за пределы действительного бытия в мир обнаружения того, чего нет, но что должно неизбежно возникнуть. А.С.Пушкин – гений. Это аксиома. Сложнейшие вопросы бытия он выразил так легко, просто и красиво:

«И забываю мир -- и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:

.....

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута -- и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! -- матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз -- и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть? . . .»

Этот вопрос очень естественно, по-пушкински подводит нас к пониманию последней фразы Гумбольдта « ... и часто в затемнённом или искажённом виде». Художник никогда не знает «Куда ж нам плыть? . . .».

Данные и методы

Творческий процесс непредсказуем, необъясним, непонятен, непостижим... Как из хаоса отдельных наблюдений выкристаллизовывается высочайшая гармония – поэзия? Невольно вспоминается Болдинская осень. Как известно, судьба задержала Пушкина в Болдино на три месяца, вместо одного. Вынужденное пребывание стало одним из самых плодотворных периодов в его творчестве и отмечается невиданным взлётом пушкинского гения. Благодаря благоприятным болдинским условиям: любимое время года, отсутствие жары, светских развлечений, назойливых знакомых и бытовых проблем, Пушкину удалось поработать чрезвычайно эффективно. Было написано такое большое количество произведений, что можно говорить о своеобразном "творческом взрыве", сам Пушкин дивился и радовался этому приливу творческих сил. «Деятельность гения [поэта. – Р.Я.] остаётся ему самому непонятной. Она не идёт проторёнными путями, ... и напрасно было бы пройти по её запутанным следам. Здесь невозможно что-либо рассчитать, нельзя даже предсказать. ... она подчиняется своим законам и в момент творения не допускает никаких других влияний на произведение, кроме тех, которые вызваны общим состоянием творца. В момент творения все его силы сливаются воедино, ни одна из них не остаётся свободной ни для праздного созерцания, ни для хладнокровного анализа. ... гений извлекает необходимое из глубин своего сознания, что возможно только путём полного отрешения от эмпирического бытия [выделено мной. – Р.Я.]. ... способность схватить необходимое ... рождается во внутреннем мире гения, или, точнее, ему приходится превращать в необходимое своё собственное субъективное и случайное бытие» [3, с. 146-147]. Художник может создать шедевр только «из глубины его воображения»; философ достигнет успеха, если истина «из глубины его духа»; обычный человек «не сможет гениально расценить запутанные пружины механизмов, если он не способен выплеснуть в окружающий мир своё Я. ...» [там же, с. 147]. Гумбольдт подчёркивает, что поэт творит не только «из самого себя», но подлинный поэт своим воображением способствует и порождению «какого-либо предмета *изнутри самой себя*... являя ей в них мир и человечество в их окончательных и величайших сопряжениях» [там же, с. 182]. Подлинный поэт – это гений. «Всё, что носит на себе отпечаток гения, можно уподобить отдельному существу со своей органической жизнью. Его природа сама предписывает ему законы ... *сама через себя*, принося с собой залог его продолжения, ибо каждое гениальное творение вдохновляет гения снова и снова и таким образом гениальность продолжает свой род» [там же, с. 146]. Таким произведением философ считает поэму Гёте «Герман и Доротея» - это - «...самостоятельный индивид. Это живое целое. Оно имеет внутреннюю силу и жизненный принцип» [там же, с. 224]. «Я делаю вещи, отдаю им всю свою энергию – а дальше они живут своей жизнью, находят свой дом, обретают новую судьбу» - созвучен с философом-поэтом и скульптор-поэт, Д.Намдаков. Подчёркивая тайну рождения гениальных творений, Гумбольдт пишет «... то, что возникает, подобно чуду, хотя и может отчасти объяснено механическими, физиологическими и психологическими причинами, но ни одной из них реально выведено быть не может, оно остаётся внутри сферы явлений не только не объяснённым, но и не познанным» [там же, с. 302].

Таким образом, «из себя», «из глубин воображения», «из глубин сознания» – это всё можно назвать бессознательным. Это та великая пряжа, из которой прядётся (в сознательное) художественный язык. В творчестве (и не только), сфера бессознательного играет выдающуюся роль. Но объяснить этот процесс «прядения» – не под силу и гениям [прим. 2]. Вероятно природа этого явления «из себя» в том, что «... в индивидуальном бытии человека (онтогенезе) «закодированы» не только биологические уровни существования вида (филогенез), но духовное, интеллектуальное развитие человечества» [9, с. 184]. Возможно, поэтому, лирика Пушкина в Болдинскую осень 1830 года достигает невиданных идейно-художественных высот.

Рис.4.

Стихия. Д.Намдаков (1999)

«Каждое воздействующее на человека в целом духовное стремление содержит нечто такое, что можно назвать его стихией, его движущей силой, тайной его воздействия на дух; и оно настолько явно отличается от предметов, входящих в его сферу, что они часто служат лишь для того, чтобы предоставить духу эту тайну новым и преображённым способом. В математике это – отвлечённое занятие числом и линией, в метафизике – абстрагирование от всякого опыта, в искусстве – *поразительное отношение к природе, при котором всё как будто взято из неё и всё таки ничего не оказывается таким же, как в ней* [выделено мной. – Р.Я]. Стихия, в которой движется история, – это чувство действительности; в нём заключено ощущение бренности бытия во времени и зависимости от предшествующих и сопутствующих причин и наряду с этим сознание внутренней духовной свободы, присущее разуму знание, что действительность, несмотря на кажущуюся случайность, всё-таки связана с внутренней необходимостью». – В.ф.Гумбольдт [3, с. 295].

«Эта ранняя скульптура Даши Намдакова выполнена в условно-реалистической манере и раскрывает образ воздушной стихии как одного из космогонических элементов. В представлении автора она ассоциируется с фигурой летящей в стремительном галопе лошади. Композиция работы полностью отвечает выбранной теме. Животное распластано в горизонтальной плоскости, голова максимально вытянута вперед, уши прижаты, грива заброшена встречным потоком ветра в сторону. Мускулы до предела напряжены и своим рельефом создают основной пластический рисунок тела. Круп лошади подчеркнуто объемён, но сила рывка выбрасывает тяжелую массу вперед. Художник изображает именно этот эпизод движения, подлинности которого веришь. Он добивается ощущения полета. Движение захватывает зрителя своей красотой, оно связано с чувством пьянящей победы над пространством,

и кажется, что сила притяжения не властна над земными существами».

В этих описаниях - поразительная перекличка, созвучие, сходство как этих двух совершенно независимых отрывков, так и представленных выше («Амазонка», «Кокон»). В них понимание сущности творческого процесса. «Духовное стремление содержит нечто такое, что можно назвать его стихией, его движущей силой, тайной его воздействия на дух», эти слова делают образ Д.Намдакова удивительно зримым. Скульптура «Стихия» как нельзя лучше реализовывает эту мысль в фигуре «летающей в стремительном галопе лошади» в момент максимальной «распластанности в горизонтальной плоскости». Скульптор «добивается ощущения полёта», говоря словами философа, предоставляя «духу эту тайну новым и преображённым способом», изображая «именно этот эпизод движения, подлинности которого веришь». Но это доступно только поэту, который в час рождения поэзии, находится в совершенно особом творческом состоянии, как бы в другом измерении, когда концентрация твоих внутренних сил столь высока («мускулы до предела напряжены» «грива заброшена встречным потоком ветра в сторону»), « что «кажется, что сила притяжения не властна над земными существами», что следуя «Стихии» обретаешь «чувство действительности», в котором «заключено ощущение бренности бытия во времени... и наряду с этим сознание внутренней духовной свободы...». Гумбольдт называет *стихией* некую внутреннюю «движущую силу», то, что является содержанием «духовного стремления», некую тайну «воздействия на дух». Скульптура Намдакова носит однокимённое название, мы видим, как эта «движущая сила стихии» - «сила рывка выбрасывает тяжелую массу вперед», и тогда... «Громада двинулась и рассекает волны».

Полученные результаты

Вспомним ещё раз анекдот о птицах, который для Гумбольдта не был смешным. Этот факт он объясняет так: «Подражание органическому образу может идти двумя путями: с помощью непосредственного копирования внешних очертаний настолько точно, насколько это возможно для нашего глаза и нашей руки, или *изнутри* [выделено мной. – Р.Я.], посредством предварительного изучения того, как внешние очертания возникают из понятия и формы целого, посредством абстрагирования их отношений, посредством работы, благодаря которой образ познаётся сначала совершенно иным, чем его воспринимает взор не причастного к искусству человека, а затем настолько *заново* [выделено мной. – Р.Я.] рождается фантазией, что наряду с буквальным сходством с природой в нём присутствует ещё иная, более *высокая истина* [выделено мной. – Р.Я.]. *Ибо величайшее преимущество художественного произведения в том, чтобы сделать очевидной внутреннюю истину форм, затемнённую в реальном явлении* [3, с. 296] [выделено мной. – Р.Я.]». Даши Намдаков следует этому второму пути – «изнутри»: «Скульптура – это мои стихи, поэзия в объёме. Бывает, люди годами ищут свой почерк, стиль. Я никогда его не искал. Писал и творил как дышал - то, чем живу. Это мой мир, который существует *внутри меня*» [выделено мной. – Р.Я.] [11]. Он раскрывает нам «*внутреннюю истину форм, затемнённую в реальном явлении*». Поэзия его скульптур отражает эту художественную формулу В.Гумбольдта. Поэзия Намдакова, как и образы и понятия человеческого языка, берут своё начало в чувственном восприятии (этика). Мы чувствуем рождение «Жемчужины», усталость

«Старого воина», красоту «Степной Нефертити», спокойствие «Чингис-хана», тепло «Маленького Будды» ... Да, мы чувствуем всё это, но мы ещё чувствуем и то, что «наряду с буквальным сходством с природой» в его работах «присутствует ещё иная, более *высокая истина*», «наивысшая чувственность» - ПОЭЗИЯ (эстетика) [10].

Рис.4.

«Жемчужина» Д.Намдаков (2002).

«Человек выделяя из себя язык, тем же самым актом вплетает себя в его ткань; каждый народ обведён кругом своего языка и выйти из этого круга может, только перейдя в другой» [12, с.59-60]. То, что В.Гумбольдт раскрывает как философ-лингвист, Д.Намдаков обнаруживает в образах интуитивно-поэтически. Рождение жемчужины ... некая энергия вселенной воплощается в зреющую в темноте раковины, жемчужину. Так и поэзия его скульптур долго зреет в нём самом под воздействием неведомых космических энергий, а потом неожиданно «раковина открывается», и его жемчужины-образы покидают родившее их лоно, «переходят» в круги других культур, где обретают своё второе рождение.

Красота не в прямом назывании вещей. Поэтическое миропонимание – это красота запредельного, это изображение не видимых предметов, а того, что «за словом». «... главное в стихе, его дух, не может обрести форму, он «вне слов», «за словом»: «Оное я не встречаю всей глубиной ... // Ближу к нему – всё бледнее оно ... // Пусть ему и форму м сходство найду я, // Крепко схвачу ... но оно убежит» [1, с. 9]. «Язык ... можно сравнить с искусством ... поскольку и то и другое стремится в чувственной форме изобразить невидимое. Если язык не обнаруживает стремления подняться над действительностью ... тогда свёрнутая картина всех предметов, а также всех их невидимых соединений и связей будет покоиться в его лоне» [3, с. 379]. Выразить эти «невидимые соединения» чувства и мысли прямым называнием вещи – невозможно, и потому Поэту необходимо искусство слова, чтобы создать образ и поэтически выразить его, иначе действительность останется «свёрнутой». Как справедливо утверждает В.Вейдле: « ... лишь несказанное может стать материалом литературного, как и всякого другого художественного произведения. Вымысел – не содержание, а то, чем выражено или высказано содержание» [8, с.32]. В подлинном искусстве всегда есть что-то сверх того, что непосредственно сказано или изображе-

но, а у художников-копиистов – всё на поверхности и копать вглубь бесполезно, поэтому Гумбольдт не смеялся.

Заключение

Таким образом, поэзия, в понимании В.ф.Гумбольдта, чрезвычайно важна для существования этноса и нации, ибо она являет собой «дух нации» [7, с. 13], а потому, она, поэзия – ключ к пониманию мира. В.Маяковский:

«Я сразу смазал карту будня,
Плеснувши краску из стакана,
Я показал на блюде студня
Косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
Прочёл я зовы новых губ.
А вы
Ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб? »

Понимание этого небольшого стихотворения может вылиться в целое исследование, ибо это – настоящая поэзия, «наивысшая чувственность». Формула Эйнштейна $E=mc^2$ – воистину поэзия, «наивысшая чувственность». «Умиравший лебедь» в исполнении М.Плисецкой – тончайшая поэзия, «наивысшая чувственность». «Чайная церемония» – восточная поэзия, «наивысшая чувственность». И, просто, прекрасный повар, водитель, учитель, инженер, врач, и многие-многие другие, достигшие в своём деле «НАИвысшей чувственности» - настоящие поэты... Поэзия – это всё.

«Великая полнота похожа на пустоту» [прим.3].

Эта страница пуста

Поэзия как уникальный феномен, находящийся в точке схождения различных дисциплин, решает сложную задачу многомерной реконструкции сущностных характеристик поэзии, которая бы учитывала все эти контексты одновременно.

Поэзия – это ВСЁ, что соответствует в восточной философии понятию чрезмерной наполненности, т.е. – Пустоте, а по В.ф.Гумбольдту – достижению «наивысшей чувственности» - ПОЭЗИИ. Именно поэзии не было в картине художника, нарисовавшего вишни, поэтому птицы слетелись клевать нарисованные вишни. Художник не достиг «наивысшей чувственности», реальность осталась «свёрнутой».

Другими словами, прямого перехода мысли в слово не существует, а потому «распаковка» скрытых смыслов (т.е. понимания поэзии произведения) является своего рода поиском следов древнего, природного, первородного начала (нашего бессознательного), - «духа нации», которое имманентно содержит в себе поэзия. На размышления о поэзии навёл В.Гумбольдта древний анекдот [прим.4], а дух древности, присущий творческой манере художника, позволяет Д.Намдакову глубоко проникать в недра бытия, чтобы понять и прочувствовать поэзию жизни. В китайской поэтической традиции поэт не просто

человек, а – дао-человек, дао-поэт, в душе которого живёт древнее идеальное начало [1, с. 22-24; 4, с. 61]. Б.Ахмадулина «Древняя речь».

«Влечёт меня старинный слог. Есть обаянье в древней речи.
Оно бывает наших слов и современнее и резче».

Воистину, глубинная логика Великих тождественна друг другу, есть что-то в их природе, что объединяет их вне времени и пространства.

References:

1. Alekseev V.M. (2008) *Kitaiskaya poema o poete: stansi Sykun Tu (837-908)* [Chinese poem about the poet: Sikong Tu's stanzas]. M.: izdatelskaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 702.
2. Asmus V. F. (1968) *Voprosi teorii i istorii estetiki* [Theory and history of aesthetics]. M: Iskustvo, 654.
3. Gumboldt V. (1985) *Yazik i filosofniya kulturi*. [Language and philosophy of culture]. M: Progress, 453.
4. Dagdanov G.B. (1997) *Tanskaya poeziya*. [T'angs poetry]. Ulan-Ude: Izdatelstvo Buryatskogo gosuniversiteta, 69.
5. Dambaeva V.D., Zateev V.I., Yangutov R.S (1998). *Istoriya filosofii i sociologii* [The history of philosophy and sociology]. Ulan-Ude: Izdatelstvo Buryatskogo gosuniversiteta, 285.
6. Malyavin V.V. (1997) *Molniya v serdtse. Duhovnoe probuzhdenie v kitaiskoi traditsii* [Lightning in the heart. Spiritual awakening in the Chinese tradition]. M: Natalis, 364.
7. Maslova V.A. (2006) *Russkaya poeziya 20 veka. Lingvokulturologicheskii vzglyad* [Russian poetry of the 20th century. Linguistic and cultural outlook]. M: Vishaya shkola, 256.
8. *Poeziya: opit mezhdisciplinarnogo analiza* (2015) [Poetry: the experience of an interdisciplinary analysis]. // pod red. G.V.Ivanchenko, D.A.Leontiyeva, Yu.B. Orlitskogo. M.: Smisl, 480.
9. Yakovlev E.G. (1999) *Estetika* [Aesthetics]. M: Gardariki, 464.
10. Yangutova R.R. (2016) W. von Humboldt. *Ot etiki k estetike: "Zakon naivisshei chuvstvennosti"* []. Saarbrucken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing, 120.
11. Iskustvo Dashi Namdakova – eto neobysnimoe yavleniye v iskustve, ne tolko v buryatskom, no i v rossiiskom; ne tolko v rossiiskom, no i v mirovom, v sovremennom. Ego iskustvo ne znaet granitc: granitc territorialnih, granitc prostranstvennih i vremennih. [Dashi Namdakov]
<http://www.dashi-art.com/gallery/sculpture> (March 1, 2016)
<http://www.womenofrussia.org/character.aspx> (March 1, 2016)
12. Humboldt W. *Gesammelte Werke*. Berlin, 1848. Bd. VI.
13. Martindale C. Is poetry about emotion? (1997) // *Emotions, creativity, and art/ ed.by L.Dorfman et al.: in 2 vols. Perm State Institute of Arts and Culture, Vol.2.*
14. *Poetic injustice* (1997) // *Economist*. 20 Dec.
15. Viehoff R. *Literary understanding and emotion* (1992) // *Emotions and art / ed.by L.Dorfman, D. Leontiev, V. Petrov, V. Sozinov. Perm: Perm State Inst. For Arts and Culture,*

16. Russell B. (1981) *History of western philosophy*// Published by Chalidze Publications 505 Eighth Avenue, New York, N.Y. 10018, 855.
17. Wong Y.W. (1994) *Sikong Tu's Shih-p'in*. Singapore: Department of Chinese Studies.

Примечания.

1. Даши Намдаков - талантливый российский скульптор, график и ювелир, член Союза художников РФ, Лауреат премии правительства России за 2009 год, лауреат премии «Ника» за фильм «Монгол», Заслуженный художник Бурятии, член-корреспондент Российской Академии Художеств. <http://www.dashi-art.com/gallery/sculpture>

2. Возможно, это процесс вспоминания «семантических полей», присущих каждому языку. Теория семантических полей восходит к немецкой традиции, Гердеру и Гумбольдту. «Семантические поля» - это часть словарного запаса данного языка, внутренне спаянная, чётко отделённая от других полей, с которыми она соприкасается.

3. Используя термин «Пустота» (Брахман, Шуньята, Дао), восточные мудрецы понимают не обычную пустоту, а Пустоту с большой буквы – Пустота, являющаяся неисчерпаемым единственным источником творения, единственным содержанием всех форм. Лао-цзы, например, сравнивает Дао с долиной между гор или сосудом, который всегда остаётся пустым, сохраняя таким образом способность содержать внутри себя всю бесконечную множественность вещей.

4. В.ф. Гумбольдт ещё в первой своей работе (ему было 19 лет) «Сократ и Платон о Божестве, промысле и бессмертии» призывает учиться у древних.

Information about the author

Yangutova Rita Robertovna (Xian China) – PhD of Philosophy, Xian Shiyu University, e-mail: maryyang@mail.ru